

УДК 81'255.4: 821.111(73)-1=161.1
doi 10.17072/2073-6681-2026-2-127-135
EDN USWJRF

<https://elibrary.ru/uswjrf>

Стихотворение Э. По “Dream-Land” в русских переводах

Кузьмина Александра Викторовна

Донецкий государственный университет
a.shersh@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается стихотворение Эдгара По “Dream-Land” («Страна снов», 1844) и его переводы на русский язык, выполненные в XIX–XX вв. Отмечено, что в стихотворении американский романтик описывает таинственный и мрачный болотистый край, полный гигантских озер, гор и долин и населенный фантастическими существами. Для лирического героя, пережившего утрату, Страна снов становится убежищем от страданий, где он встречает тени давно ушедших друзей. Первый перевод стихотворения на русский язык (1878) принадлежит переводчику-любителю С. А. Андреевскому (1847–1918). В эпоху Серебряного века к прочтению «Страны снов» обратились поэты-символисты К. Д. Бальмонт (1867–1942) и В. Я. Брюсов (1873–1924). В 1972 г. был напечатан еще один вариант перевода, осуществленный поэтессой-имажинистом Н. Д. Вольпин (1900–1998). В статье проанализированы роль и функции языковых средств в выражении идейно-тематического содержания стихотворения и его переводов, выявлены смысловые акценты, переводческие удаchi и потери. Для перевода Андреевского характерны обращение к стилистике народной сказки и усиление религиозного колорита. Поэтическим интерпретациям Бальмонта и Брюсова свойственны эффектная звукопись и музыкальность, акцент на теме ужасного. При этом Бальмонт выбирает путь творческой свободы, а Брюсов, напротив, тяготеет к формальной точности. Вольпин, представительница советской школы перевода, также стремится воссоздать строфику и ритмику оригинала; кроме того, ее тексту присущи живая и естественная интонация, обращение к образам русской зимы и космического пространства при описании сумрачного и дикого края.

Ключевые слова: баллада; перевод; интерпретация; романтизм; поэтика; компаративный анализ; Эдгар По.

Для цитирования

Кузьмина А. В. Стихотворение Э. По “Dream-Land” в русских переводах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 127–135. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-127-135. EDN USWJRF

Edgar Allan Poe's Poem “Dream-Land” as Translated by Russian Poets

Aleksandra V. Kuzmina

Donetsk State University
a.shersh@bk.ru

Abstract. This article examines Edgar Allan Poe's poem *Dream-Land* (1844) and its translations into Russian made in the 19th–20th centuries. In the poem, the American Romanticist describes a mysterious swampy region filled with gigantic lakes, mountains and valleys, and inhabited by fantastic creatures. For the lyrical hero, this land becomes a refuge from miseries of life, where he encounters the shadows of his long-departed friends. The first translation of the poem into Russian (1878) was made by the poet, translator, and

critic S. A. Andreevsky (1847–1918). During the Silver Age of Russian Poetry, the Symbolist poets K. D. Balmont (1867–1942) and V. Ya. Bryusov (1873–1924) also published their versions of *Dream-Land*. In 1972, another translation of the poem was made by the imagist poet N. D. Volpin. In the article, the functions of linguistic means of different levels are analyzed, characteristic features of the poets' individual style are highlighted, accomplishments and shortcomings in the translations are pointed out. It is noted that Andreevsky employs a fairy-tale style and intensifies religious connotations. His poetic lines are somewhat shortened compared to the original; therefore, he resorts to omissions and reductions. Balmont's and Bryusov's translations reach a distinctly higher level: the poets aim to produce a text that would match the original in its artistic quality. Balmont's and Bryusov's poetic interpretations are characterized by attention to the imagery and musicality of Poe's ballad, its dark and ominous atmosphere. At the same time, Bryusov strives for academic fidelity and closeness to the original text, while Balmont allows his own ornate style to overshadow Poe's voice. Volpin aims to recreate the original meter and rhythm; her text is marked by a natural intonation and rich metaphors. While describing a mysterious and wild land, she refers to the images of the Russian winter and cosmic space.

Keywords: ballad; translation; interpretation; comparative analysis; Romanticism; poetics; Poe.

For citation

Kuzmina A. V. Edgar Allan Poe's Poem "Dream-Land" as Translated by Russian Poets. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 127–135. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-127-135. EDN USWJRF (In Russ.)

Интерес к творчеству Эдгара По в России возник еще при жизни писателя. Впервые русский читатель познакомился с ним в 1847 г., когда в журнале «Новая библиотека для воспитания» был опубликован перевод рассказа «Золотой жук». В 1850-х гг. российские журналы начали активно печатать «страшные» рассказы американского писателя под влиянием французской литературной моды. На рубеже XIX–XX вв. интерес к писателю возродился с новой силой. Поэты-символисты, особенно К. Д. Бальмонт и В. Я. Брюсов, рассматривали По как предшественника символизма и активно заимствовали его художественные находки. В советский период произведения Э. По переводили М. П. Богословская, Р. М. Гальперина, Н. М. Демурова, Н. Д. Вольпин, В. А. Неделин, В. Н. Рогов и М. В. Урнов и мн. др.

За последние десятилетия появилось большое количество научных работ, в которых рассматривается переводческая рецепция творчества Э. По в России. Изучением прозаического творчества американского романтика в русских переводах Л. П. Дмитриева [Дмитриева 2010], Е. Ф. Осипова [Осипова 2017], И. В. Головачева и С. Ю. Удалова [Головачева, Удалова 2020]. В ряде исследований ([Нестерова 1974; Жаткин, Рябова 2019; Дементьева 2022]) анализируются переводы знаменитого стихотворения «Ворон» ("The Raven"). А. Г. Коноваленко рассматривает брюсовские переводы баллад Э. По ("Ulalume", "Eldorado", "Bridal ballad") [Коноваленко 2007]. О. А. Жиронкина сосредоточивается на сопоставлении переводческого мастерства двух поэтов Серебряного века – К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова [Жиронкина 2013].

Несмотря на наличие большого корпуса исследований, некоторые аспекты переводческой рецепции творчества Эдгара По в России остаются недостаточно изученными. Так, насколько нам известно, переводы стихотворения «Страна снов» ("Dream-Land", 1844) еще не становились объектом сопоставительного анализа. Первый перевод данного стихотворения принадлежит поэту, переводчику-любителю С. А. Андреевскому (1847–1918). На рубеже XIX–XX вв. к переводу «Страны снов» обратились поэты-символисты К. Д. Бальмонт (1867–1942) и В. Я. Брюсов (1873–1924). В 1972 г. был напечатан еще один вариант перевода стихотворения, выполненный поэтессой-имажинистом Н. Д. Вольпин (1900–1998).

Цель данной статьи заключается в проведении компаративного анализа стихотворения Эдгара По "Dream-Land" и его переводов, выполненных в XIX–XX вв.

Впервые стихотворение было напечатано в журнале "Graham's Magazine" (1844), а через год вошло в сборник "The Raven and other poems". В «Стране снов» американский романтик рисует таинственный болотистый край на стыке яви и сновидения, край, полный сумрачных лесов-титанов, огромных гор и пещер, мрачных озер и болот, в которых живут тритоны ("newt") и упыри ("Ghouls"). Правит страной идол по имени Ночь ("an Eidolon named NIGHT"), а населяют ее злые ангелы ("ill angels"), воспоминания о прошлом, облаченные в саван ("Sheeted Memories of the Past"), и тени былых друзей ("forms of friends long given") [Пое 2023]¹. Но эти обитатели не пугают странника: лишь здесь сердце, полное скорби, может найти мир и успокоение.

«Страна снов» занимает особое место в творческом наследии Эдгара По. В произведении сконцентрировались ключевые мотивы, характерные для всего творчества американского романтика. Противопоставление реальности и мира сновидений становится сквозной темой многих его произведений («Сон во сне», «Спящая», «К...»). Мотив потерянного рая встретится в балладе «Эльдорадо» (1849), которая будет напечатана через пять лет после «Страны снов». Строку "Tis – oh, 'tis an Eldorado!" вполне можно рассматривать как «предвестницу» одноименного стихотворения. Тема утраты возлюбленной находит отклик в «Аннабель Ли», «Линор» и «Вороне», а исследование пограничных состояний сознания роднит стихотворение с новеллой «Падение дома Ашероу».

В стихотворении «Страна снов» американский романтик воссоздает одновременно и авторский, и национальный, американский, вариант готического пейзажа, хорошо знакомый жителям южных штатов. Если для английского читателя самой узнаваемой приметой готики является полуразрушенный средневековый замок, то американская готика чаще всего представлена описаниями дикой и неизведанной природы. Между этими топосами есть ряд общих черт: старинный замок воспринимается англичанами как пространство одновременно и свое, и чужое, враждебное, связанное с католическим прошлым страны. Первозданные и пугающие пейзажи, с которыми столкнулись переселенцы в эпоху освоения Америки, также воспринимались ими как несущие опасность и угрозу. По словам А. И. Кузьмичева, болото становится для американского читателя важным и узнаваемым «символом готики» [Кузьмичев 2018: 152]. Являясь пограничным пространством между водными просторами и сушей, образ болота в стихотворении Э. По служит метафорой перехода от яви к сновидению, от настоящего к прошлому, от жизни к смерти. Сравнивая «Страну снов» с пейзажными описаниями из стихотворений «Озеро» (1827), «Спящая» (1839), «Призрачный замок» (1839), «Улялюм» (1847), исследователь Дз. Лэй приходит к выводу, что тон и поэтическое видение «Страны снов» гораздо мрачнее: «Пытаясь достичь идеала и преодолеть границы реальности, По находится во власти пессимистического взгляда на природу, вселенную и существование человека» [Lei 2013: 39].

Эрин Форбс связывает Страну снов с реальной точкой на карте – Великим проклятым болотом (Great Dismal Swamp), находящимся на границе штатов Вирджиния и Северная Каролина [Forbes 2016: 364]. Эта местность представ-

ляет собой почти 500 километров непроходимых лесов, растущих прямо из воды, а в середине его расположено ядовитое озеро Драммонд. Именно здесь нашел убежище Нат Тернер, организовавший в 1831 г. восстание чернокожих рабов. По словам А. И. Кузьмичева, южанин Эдгар По «рос в Вирджинии, и не раз бывал на Великом проклятом болоте, служившем прибежищем для беглых преступников и рабов, где они не только прятались, но и образовывали постоянные поселения» [там же: 151]. Исследователь соотносит образ упырей, обитающих в мрачных прудах и заводях, с беглыми рабами: не случайно их описание «подчеркнуто материально, ощущаемо» [Кузьмичев 2018: 152].

Дальняя Фула ("ultima Thule"), откуда герой попадает в Страну снов, – это название легендарного острова, который считался в Древней Греции северным пределом обитаемого мира. Античный историк и географ Страбон (I в. до н.э.) описывал Фулу как место, где кончался реальный и доступный человеческому восприятию мир. Там не было уже ни воды, ни земли, ни воздуха, а некая смесь всех этих элементов (цит. по: [Широкова 2000: 38]). Мишель Ронник предполагает, что этот образ был притягательным для Эдгара По, потому что ранее и сама Америка воспринималась первыми колонистами как «дальняя Фула», куда они «устремлялись за пределы знакомого им мира» [Ronnick 1995: 41].

Джеймс Бейли интерпретирует маршрут лирического героя следующим образом: дальняя Фула – «начальная точка его темного и одинокого пути», который, возможно, далее «пролегает по реке на севере Норвегии» к Северному Полюсу и краю мира – земле «вне пространства и времени» [Bailey 1948: 513]. Другой взгляд на стихотворение предлагает Деннис Эддингс: согласно его мнению, Фула – это «царство Идеала, далекий мифический и мистический край», в то время как Страна снов представляет собой реальный мир с его «гротескностью и абсурдом» [Eddings 1975: 8].

Страна снов приобретает у Эдгара По некоторые черты мира мертвых. Американский романтик называет таинственный край темным ("dim") и мрачным ("dismal"), наделяя его качествами, которые вполне традиционно ассоциируются со смертью. Озера в Стране снов наполнены тихой ("still"), прохладной («chilly») и мертвой ("dead") водой; различные водные гады, которые обитают в ней – тритоны и упыри – обычно выполняют сторожевую функцию в мире мертвых. Одним из атрибутов жителей загробного царства, согласно В. Я. Проппу, является слепота: «Живые не ви-

дят мертвых точно так же, как мертвые не видят живых» [Пропп 2000: 54]. Не случайно Король запрещает «печальной душе» путника осматривать страну с поднятыми веками; ему позволено лишь угадывать очертания предметов «сквозь дымное стекло»: "So wills its King, who hath forbid / The uplifting of the fring'd lid; / And thus the sad Soul that here passes / Beholds it but through darkened glasses". Американский исследователь Р. Брики делает вывод, что путь главного героя можно рассматривать как сходжение в ад, так как описание Страны снов наполнено «перевернутой» христианской иконографией: King («Царь»), mysteries («тайны»), waters («воды») [Brickey 2019: 801].

Изображая Страну снов, Эдгар По подчеркивает зыбкость окружающей природы, невозможность ее воссоздания при помощи привычных слов и понятий. На протяжении всего стихотворения поэт прибегает к апофатическому способу описания природы: долины в Стране снов – бездонные ("bottomless"), потоки – бескрайние ("boundless"), моря – безбрежные ("seas without a shore"), озера – беспредельные ("endlessly outspread"). Эдгар По рисует пейзаж сродни офортам У. Блейка: природные очертания невозможно разглядеть ("with forms that no man can discover"), одна стихия переходит в другую, а противоположности сливаются. Долины сменяются горами, горы «опрокидываются в моря» ("Mountains toppling evermore / Into the seas"), моря «устремляются в огненные небеса» ("Seas that restlessly aspire, / Surging, into the skies of fire"). Поэт прибегает к приему персонификации: вся природа плачет слезами-каплями: "the tears that drip all over". Страна сновидений лежит не только вне пространства ("Out of Space"), но и вне времени ("Out of Time"): вечно обрушиваются горы, постоянно шепчет река, оживают тени давно минувших дней.

На русском языке стихотворение "Dream-Land" впервые появилось в 1878 г. благодаря судебному оратору и переводчику-любителю **С. А. Андреевскому** (1847–1918). На его прочтение оказали влияние тенденции, характерные для русской переводческой практики середины XIX в. Переводные тексты в этот период часто носили просветительский характер: приоритетом выступало знакомство читателя с сюжетной канвой произведения, а не сохранение его художественной специфики и поэтической формы. Появляется большое количество любительских переводов, при этом их общий уровень «проседает».

В своей версии «Страны снов» С. А. Андреевский сохраняет размер оригинала – четырехстопный хорей. При этом переводчик не воспроизводит множественные нарушения ритма, которыми изобилует подлинник: лишние стопы,

спондеи и сверхсхемные ударения. В результате строка оказывается несколько укороченной по сравнению с подлинником. С учетом того, что русские слова в среднем длиннее английских, Андреевскому приходится прибегать к пропускам и сокращениям. Так, в его тексте отсутствуют упоминания бездонных долин, бескрайних потоков, пещер, падающих слез-капель. Уходит ощущение беспредельности ландшафта, исчезает фантазмагорическая картина сближения полярных компонентов пейзажа:

*Там деревья-великаны,
Облеченные в туманы,
Невидимками стоят;
Скалы темные глядят
С неба красного – в озера <....>.*
[По 1898: 237]

Андреевский, скорее, переводит стихотворение в духе волшебной сказки. Не случайно Страну снов он называет «волшебной обителью» и помещает в нее вместо упырей сказочного дракона. Кроме того, русский переводчик усиливает религиозный компонент стихотворения: описываемые земли он называет «чистым раем» и «страной обетованной», а лирического героя – «странником» (одно из словарных определений этого слова – «человек, странствующий пешком на богомолье; паломник, пилигрим» [Словарь русского языка 1999]). В образе рая подчеркиваются дуалистические черты: царит в нем «призрак Ночи-сатаны» (вместо языческого идола Ночи у Эдгара По). Переводчику не удается передать чувство таинственного и создать тревожную атмосферу из-за отсутствия опыта работы с произведениями, написанными в рамках «первой волны» английской готики.

В версии Андреевского заметны некоторые недостатки поэтической техники: кальки с английского («бедствий legion»), смещение ударений («пытки агонии», «среди отверженных духов»), русские поэтические штампы («нежные лилеи»). Из-за укороченной строки переводчику приходится исключить из текста многочисленные эпитеты: "a wild weird clime that lieth, sublime <...>" («величественный», «дикий» и «таинственный» край); "most unholy", "most melancholy nook" («наиболее нечестивый», «наиболее меланхолический уголок»). Техническое несовершенство вынуждает Андреевского прибегать к приему компенсации: так, горы в подлиннике впервые упоминаются в тринадцатой строке, а в русском тексте – в тридцать третьей; реки из двадцать пятого стиха перемещены в четырнадцатый и т. д. В некоторых случаях переводчик и вовсе изменяет авторский замысел: так, Эдгар По упоминает реку, которая своим вечным шепотом ("murmuring ever") нару-

шает тишину страны сна и смерти; у Андреевского же ручки остаются «немыми» и «безмолвными».

Расцвет популярности творчества Эдгара По в России пришелся на переходную и кризисную эпоху рубежа XIX–XX вв. Произведения По, пронизанные интересом ко всему иррациональному, к темным сторонам человеческой природы и зыбкой границе между реальностью и фантазией, оказались созвучны художественным исканиям поэтов Серебряного века. Так, **К. Д. Бальмонт** (1867–1942) считал Э. По «величайшим из поэтов-символистов», посвятил ему статью «Гений открытия» и перевел более сорока его произведений. Анализируя переводческий метод Бальмонта, большинство исследователей сходятся во мнении, что в обострившейся на рубеже веков борьбе двух школ – буквального и вольного перевода – русский поэт придерживается традиций последней школы и часто позволяет себе отступления от формы оригинала. Ж. А. Кононова делает вывод, что «переводы Бальмонта представляют собой своего рода интертекст, в котором часть образной системы связана с художественным миром подлинника, а часть – с лирикой Бальмонта» [Кононова 2015: 106].

Действительно, в бальмонтовской версии «Страны снов» отчетливо заметно свободное отношение к трактовке исходного текста. Русский поэт заметно удлиняет строку, используя в первой и последней строфе четырехстопный ямб, а в основной части стихотворения – шестистопный ямб с цезурой посередине и множеством пиррихий. Чтобы заполнить удлинившуюся строку, переводчику приходится добавлять новые, отсутствующие в подлиннике детали. Это становится технической причиной гиперболизации происходящего: «Из той страны, где вечно сны, где чар высоких постоянство»; «Близ гор, – близ рек, что выются, как водные аллеи»; «Встающие внезапно воздушною толпою, / Воспоминанья бывших невозвратимых Дней». Апокалипсическое впечатление от пейзажа усиливается благодаря использованию книжной лексики, анжамбеманов, подчеркивающих перетекание одной стихии в другую, многосложных слов, ассонансов на «о» (данная буква графически представляет собой символ бесконечности):

*Возвышенные горы, стремящиеся вечно
Обрушиться, сквозь воздух, в моря без берегов,
Течения морские, что жаждут бесконечно
Взметнуться ввысь, к пожару горящих облаков.
Озера, беспредельность просторов полноводных,
Немая бесконечность пустынных мертвых вод
<...>.*

[По 1901: 48]

Стремясь подчеркнуть зыбкость и призрачность таинственного мира, Бальмонт насыщает текст плеоназмами и тавтологиями: «смутные намеки», «видения теней», «тень дыма», «пожар горящих облаков». Переводчик прибегает к искусственным выражениям, лексическим неточностям: так, он упоминает «возвышенные» горы, обрушивающиеся «сквозь воздух», «насыщенные бедою» места, «столикую громаду» страданий, «нечестивый и горестный» угол и т. д. При этом Бальмонт совмещает торжественность и патетику с романсовыми штампами («воспоминанья бывших невозвратимых дней») и умиротворенным созерцанием природы в духе русской пейзажной лирики элегического плана («на всем дрожит роса», «седой лес», «беспредельность просторов полноводных»), вследствие чего нарушается стилевое единство, размывается индивидуальный стиль Э. По.

К сильным сторонам перевода можно отнести эффектную звукопись, обилие аллитераций и ассонансов: «со снегом спящих лилий», «здесь только змеи, жабы и ржавая вода», «встающие внезапно воздушною толпою». Музыкальность стиха воссоздается за счет повторов, параллелизмов и анафор: «Близ озерных затонов, меж далей полноводных, / Близ этих одиноких печальных мертвых вод», «Близ гор, – близ рек, что выются, как водные аллеи, / И ропщут еле слышно, журчат – журчат всегда».

Адаптируя текст для восприятия его русским читателем, Бальмонт прибегает к приему доместикации: лилии у него «сомкнуты в хоровод», народный танец восточных славян. Кроме того, в духе православной традиции переводчик называет загадочный край «тихой обителью», а чудеса природы – «тайнствами».

Если Бальмонт отстаивает позицию творческой свободы, то его «соперник» по переводам **В. Я. Брюсов** (1873–1924) выступает за точность в передаче как содержания, так и формы подлинника. По выражению О. В. Матвиенко, фирменный знак его переводов – «чистота, строгие пропорции и четкость линий, своего рода переводческий академизм» [Матвиенко 2018: 106].

Перевод Брюсовым «Страны снов» характеризуется более бережным отношением к стилевым и версификационным особенностям подлинника. Воссоздавая размер оригинала, изобилующий множественными нарушениями ритма, переводчик использует чередование строф с четырехстопным хореем и пятистопным ямбом. В хореических строфах преобладают глаголы движения, создающие динамику в описании природы:

*Горы рушатся всечасно
В океан без берегов,
Что валы вздымает властно
До горящих облаков.*
[По 1924: 56]

Беспредельность ландшафта раскрывается в более длинных ямбических строфах. При этом обилие в них абстрактных существительных нередко затрудняет восприятие текста:

*Озер просторы, странно полноводных,
Безмерность вод, – и мертвых, и холодных,
Недвижность вод, – застывших в мгле бессилий
Под снегом наклоненных лилий.*
[там же: 56]

Стремясь к формальной точности, Брюсов в некоторых случаях прибегает к приему калькирования. Следуя за текстом Эдгара По, переводчик называет тени умерших друзей ("Shrouded forms", "White-robed forms") «формами», что в русском тексте выглядит несколько искусственно. Причем у Брюсова они «идут <...> в агонии». Но если в английском языке "agony" – это сильная боль и страдание ("extreme physical or mental pain" [Oxford Advanced Learner's Dictionary]), то в русском языке агония – «предсмертное состояние организма», сопровождающееся «удушьем» и «утратой сознания» [Словарь русского языка 1999]. Вполне очевидно, что в таком состоянии едва ли возможно куда-либо идти:

*Формы, в саванах унылых,
Формы в белом, тени милых,
Что идут со стоном там,
В агонии, предаваясь и Земле и Небесам!*
[там же: 57]

Скорее всего, Брюсову был известен перевод Бальмонта, о чем свидетельствуют схожая лексика и общие рифмы², обилие анжамбеманов и ассонансов на [о]. Оба поэта-символиста не упоминают образ вампира, чуждый русской ментальности; вместо этого они «населяют» пруд существами женского пола: у Бальмонта встречаем «ведьм», у Брюсова – «колдуний». В пейзажных описаниях Брюсов подчеркивает враждебность окружающей среды, ее опасность для человека: роса в его тексте «едкая», а просторы «странно» полноводные.

Еще раз к переводу стихотворения обратилась **Н. Д. Вольпин** (1900–1998), советская поэтесса и переводчица, блестяще владеющая английским, немецким, французским, латинским, туркменским языками. Среди ее творческого наследия – переводы И. В. Гёте, В. Скотта, Дж. Г. Байрона, Э. По, Э. Бронте, Дж. Голсуорси др. По словам В. А. Черкасова и К. В. Смирнова, близость пе-

реводчицы к С. А. Есенину и общение с представителями литературных направлений Серебряного века «в значительной мере предопределили ее мировоззренческие ориентиры, сформировав склонность к имажинизму», что отразилось в богатой метафорике ее переводов [Черкасов, Смирнов 2021: 156].

Вольпин сохраняет в переводе размер подлинника (четырёхстопный хорей), однако обилие пиррихий и анакруз приглушает неуместную жизнерадостность этого размера. Поскольку длина слов в русском языке больше, чем в английском, переводчице приходится отказываться от эпитетов, передающих безграничность ландшафта. Путем подбора существительных ей удается компенсировать эту утрату: она упоминает не долину ("vale"), а бездну, не моря ("seas"), а океаны. Страна снов разрастается у Вольпин до космических масштабов: она описывается как «пустыня тьмы и хлада» и располагается не просто на краю земли, но на краю Вселенной, «за кругом земель, за хором планет» [По 1988: 143]. Возможно, новое пространственное измерение, которое возникает в переводе Вольпин, отражает дух познания XX в., когда представители русского космизма (Н. Ф. Фёдоров, К. Э. Циолковский) вдохновляли людей на покорение космоса – этой новой «дальней Фулы» человечества.

Пейзаж у Вольпин одухотворен: лирический герой постоянно ощущает присутствие незримо-го наблюдателя: «Где кто-то, росной мглой укрыт, / Сам незрим, на вас глядит». Ожившая природа ощущается «оробелым» путником как чужая и враждебная, а ее болотистые земли названы «недобрыми» и «неприятными». Однако появление теней прошлого наполнено эмоциональной теплотой: «В саванах проходят мимо / Призрак друга, тень любимой – / Вздогнут и проходят мимо <...>» [По 1988: 145].

Можно предположить, что изображение природы в переводе Вольпин отчасти вдохновлено картиной русской зимы. Так, описание белых, как снег, лилий ("the snows of the lolling lilly") становится более живописным благодаря «зимней» метафоре: лилии застыли на водоеме «снежным платом». Это также может быть искусствоведческой аллюзией – намеком на импрессионистскую манеру Клода Моне и его цикл «Водяные лилии» (1889–1926). Тени прошлого облачены у Вольпин в «белую ризу» – метафора из церковного обихода, которая в русской поэзии вызывает ассоциации со снежным покровом (ср. лермонтовский перевод из Гейне: «И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим / Одета, как ризой она <...>»).

Данный перевод отличает тщательно подобранная, незатертая лексика: «прибрел», «чаша»,

«дебри», «поникшие», «целитель» и т. д. Подобно Бальмонту и Брюсову, переводчица активно использует фонетические приемы: ассонансы на «а» и «о» («К небу взносятся моря, / В его огне огнем горя»), аллитерации на сонорные согласные и звук «с», помогающие передать журчание ручьев («В сонном хладе сонмы лилий»), обилие свистящих и шипящих, воспроизводящих змеиное шипение («По расселинам и в чащах <...> / В дебрях, змеями кишаших»). Главным обитателем болота становится Вампир: «На трясине, где Вампир / Правит пир». Среди всех упомянутых переводов это наиболее точная передача английского слова "Ghouls". Русской поэтессе удается сохранить версификационную особенность подлинника – строка, в которой упоминается этот мифологический персонаж, укорочена в два раза, в ней только две стопы (ср: "By the dismall tarns and pools / Where dwell the Ghouls").

Таким образом, в «Стране снов» отчетливо проявилось мастерство Э. По в создании готического пейзажа и сконцентрировались важнейшие мотивы его творчества. История русской переводческой рецепции произведения демонстрирует эволюцию подходов к передаче готической поэтики оригинала, особенности развития русской переводческой школы в XIX–XX вв., а также черты индивидуального переводческого стиля. В любительском переводе С. А. Андреевского описание фантазмагоричной Страны снов приближено к миру волшебной сказки. Существенный недостаток данного перевода – практически полное элиминирование элементов готики. Неудачно подобранный размер, искусственные обороты можно объяснить особенностями переводческой техники XIX в. Прочтения К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова представляют собой совершенно другой уровень: поэты Серебряного века стремятся создать текст, равный оригиналу по своим художественным достоинствам. Благодаря эффектной звукописи и различным приемам суггестии они передают ощущение зыбкости, нагнетают мрачную и тревожную атмосферу. При этом Брюсов создает более академичный и близкий к подлиннику текст, в то время как Бальмонт несколько оттесняет Э. По в тень и позволяет проявиться своему собственному декоративному стилю, насыщенному гиперболлами, романсовыми штампами и элегическими оборотами. Усвоив опыт предшественников, представительница советской школы перевода Н. Д. Вольпин публикует свой вариант стихотворения, в котором гармонично сочетаются формальная точность и поэтическая выразительность. Главные особенности ее прочтения – живой и естественный язык, обращение к образу

русской зимы при описании природы и новая пространственная трактовка Страны снов, которая обретает теперь космический масштаб.

Примечания

¹ Здесь и далее стихотворение Э. По цитируем без указания страниц по изданию [Пое 2023].

² См. у Бальмонта: «Бездонные долины, безбрежные потоки», «<...> в моря без берегов», «<...> к пожару горящих облаков». (Ср. у Брюсова: «Бездонный дол, безмерности потока», «В океан без берегов», «К пожару горящих облаков»).

Список литературы

Головачева И. В., Удалова С. Ю. О ретрансляции двойственности: к новым пере-переводам двух новелл Эдгара По // Литература двух Америк. 2020. № 8. С. 435–462. doi 10.22455/2541-7894-2020-8-435-462.

Дементьева А. В. Современные и классические переводы стихотворения Э. А. По «Ворон»: проблема интерпретации авторской системы образов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение: Реферативный журнал. М.: ИНИОН РАН, 2022. № 3. С. 120–144. doi 10.31249/lit/2022.03.08.

Дмитриева Л. П. Цикл детективных новелл Эдгара Аллана По и его рецепция в России в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 19 с.

Жаткин Д. Н., Рябова А. А. В. Е. Чешихин (Ч. Ветринский) – переводчик «Ворона» Эдгара Аллана По // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 2 (27). С. 366–369. doi 10.26140/bgjz-2019-0802-0089.

Жиронкина О. А. К. Д. Бальмонт и В. Я. Брюсов: состязание в поэтической практике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 25 с.

Коноваленко А. Г. Баллады Э. По в переводе В. Брюсова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 22 с.

Кононова Ж. А. Переводческая деятельность К. Бальмонта в контексте развития русской переводческой школы // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Серія: Літературознавство. 2015. Вип. 1. С. 101–110.

Кузьмичев А. И. Форбс Э. Эдгар Аллан По и великое проклятое болото: раса и окружающая среда после эстетического поворота // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение: Реферативный журнал. 2018. № 1. С. 150–153.

Матвиенко О. В. Прекрасная Елена глазами американского романтика и русских переводчи-

ков (к истории русской рецепции стихотворения "To Helen" Э. А. По) // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М.: Флинта: Наука, 2018. Вып. 10. С. 96–128.

Нестерова Е. К. Русские переводы стихотворения Э. А. По «Ворон» // Тетради переводчика. 1974. Вып. 11. С. 22–36.

Осипова Э. Ф. О переводах Эдгара По в России // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 141–155. doi 10.22455/2541-7894-2017-2-141-155.

По Э. Страна снов / пер. с англ. С. А. Андреевского // Андреевский С. А. Стихотворения. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1898. С. 237–239.

По Э. Страна снов / пер. с англ. К. Д. Балмонта // Собрание сочинений Эдгара По: в 4 т. М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1901. Т. 1. С. 48–50.

По Э. Страна снов / пер. с англ. В. Я. Брюсова // Эдгар По. Полное собрание поэм и стихотворений. М.; Л.: Гос. изд-во «Всемирная литература» 1924. С. 56–57.

По Э. Страна сновидений / пер. с англ. Н. Д. Вольпин // По Э. Стихотворения. М.: Радуга, 1988. С. 143–145.

Пронн В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Черкасов В. А., Смирнов К. В. Римская элегия В. И. Гете: два взгляда на интерпретацию // Научно-практический журнал «Заметки ученого». 2021. № 12 (2). С. 154–159.

Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000. 352 с.

Bailey J. O. The Geography of Poe's «Dream-Land» and «Ulalume» // Studies in Philology. 1948. Vol. 45, № 3. P. 512–523.

Brickey R. Poe's Dark Sublime and the Supernatural // English Studies. 2019. Vol. 100, № 7. P. 785–804. doi 10.1080/0013838X.2019.1672448

Eddings D. W. Poe's «Dream-Land»: Nightmare or Sublime Vision? // Poe Studies. 1975. Vol. VIII, № 1(8). P. 5–8. doi 10.1111/j.1754-6095.1975.tb00244.x

Forbes Erin E. Edgar Allan Poe and the Great Dismal Swamp: Reading Race and Environment after the Aesthetic Turn // Modern Philology. 2016. № 114 (2). P. 359–387. doi 10.1086/687366

Lei Jin. Poe's landscape: dreams, nightmares, and enclosed gardens // Forum for World Literature Studies. 2013. Vol. 5, № 1. P. 36–51.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 17.05.2025).

Poe E. A. Dream-land // Edgar Allan Poe. Ultimate Collection. Czechia: Good Press, 2023. URL: <https://books.google.de/books?id=T9PmEAAAQBAJ> (дата обращения: 17.05.2025).

Ronnick M. V. Seneca's Medea and Ultima Thule in Poe's 'Dream-Land' // Poe Studies. 1995. Vol. 27. No. 1/2. P. 40–42. doi 10.1111/j.1754-6095.1995.tb00074.x

References

Golovacheva I. V., Udalova S. Yu. Retranslating ambiguity: on the new translations of two tales by E. A. Poe. *Literature of the two Americas*, 2020, issue 8, pp. 435–462. doi 10.22455/2541-7894-2020-8-435-462. (In Russ.)

Dement'eva A. V. Modern and classical translations of "The Raven" by E. A. Poe: The problem of interpretation of the motif system. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7. Literary Studies*, 2022, issue 3, pp. 120–144. doi 10.31249/lit/2022.03.08 (In Russ.)

Dmitrieva L. P. *The cycle of detective stories by Edgar Allan Poe and its reception in Russia in the 19th – early 20th centuries*. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2010. 19 p. (In Russ.)

Zhatkin D. N., Ryabova A. A., V. E. Cheshikhin (Ch. Vetrinsky) as a translator of "The Raven" by Edgar Allan Poe. *Baltic Humanitarian Journal*, 2019, issue 2 (27), pp. 366–369. doi 10.26140/bg23-2019-0802-0089 (In Russ.)

Zhironkina O. A. *K. D. Balmont and V. Ya. Bryusov: poetic competition*. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2013. 25 p. (In Russ.)

Konovalenko A. G. *Edgar Poe's ballads translated by V. Bryusov*. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2007. 22 p. (In Russ.)

Kononova Zh. A. Translation works of K. Balmont in the context of the development of Russian translation school. *Naukovi zapiski Kharkivs'kogo natsional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni G. S. Skovorodi*, 2015, issue 1, pp. 101–110. (In Russ.)

Kuz'michev A. I., Forbes E. Edgar Allan Poe and The Great Dismal Swamp: Reading race and environment after the aesthetic turn. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies*, 2018, issue 1, pp. 150–153. (In Russ.)

Matvienko O. V. "Beautiful Helen" as seen by the American Romanticist and Russian translators (exploring the Russian reception of Edgar Allan Poe's "To Helen"). *Literary Translation and Comparative Literary Studies*. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2018, issue 10, pp. 96–128. (In Russ.)

Nesterova E. K. Russian translations of Poe's poem "The Raven". *Translator's Workbooks*. Moscow, 1974, issue 11, pp. 22–36. (In Russ.)

Osipova E. F. On Poe's translations in Russia. *Literature of the Americas*, 2017, issue 2, pp. 141–155. doi 10.22455/2541-7894-2017-2-141-155 (In Russ.)

Poe E. Dream-Land. Transl. from English by S. A. Andreevskiy. In S. A. Andreevskiy. *Poems*. St. Petersburg, Publishing House of A. S. Suvorin, 1898, pp. 237–239. (In Russ.)

Poe E. Dream-Land. Transl. from English by K. D. Balmont. *Collected Works of Edgar Poe*. In 4 vols. Moscow, Skorpion Publ., 1901, vol. 1, pp. 48–50. (In Russ.)

Poe E. Dream-Land. Transl. from English by V. Ya. Bryusov. In Edgar Poe. *The Complete Collection of Poems and Poetry*. Moscow, Leningrad, Vsemirnaya literatura Publ., 1924, pp. 56–57. (In Russ.)

Poe E. Dream-Land. Transl. from English by N. D. Vol'pin. In Edgar Poe. *Poetry*. Moscow, Raduga Publ., 1988, pp. 143–145. (In Russ.)

Propp V. Ya. *The Historical Roots of the Fairytale*. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p. (In Russ.)

Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. (In Russ.)

Cherkasov V. A., Smirnov K. V. Roman Elegy by J. W. Goethe: Two views on interpretation. *Nauchno-prakticheskii zhurnal «Zametki ucheno-go»*, 2021, issue 12 (2), pp. 154–159. (In Russ.)

Shirokova N. S. *Celtic Culture and the Nordic Tradition of Antiquity*. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2000. 352 p. (In Russ.)

Bailey J. O. The geography of Poe's "Dream-Land" and "Ulalume". *Studies in Philology*, 1948, vol. 45, issue 3, pp. 512–523. (In Eng.)

Brickey R. Poe's Dark Sublime and the Supernatural. *English Studies*, 2019, vol. 100, issue 7, pp. 785–804. doi 10.1080/0013838X.2019.1672448 (In Eng.)

Eddings D. W. Poe's "Dream-Land": nightmare or sublime vision? *Poe Studies*, 1975, vol. VIII, issue 1 (8), pp. 5–8. doi 10.1111/j.1754-6095.1975.tb00244.x (In Eng.)

Forbes Erin E. Edgar Allan Poe and the Great Dismal Swamp: Reading race and environment after the aesthetic turn. *Modern Philology*, 2016, issue 114 (2), pp. 359–387. doi 10.1086/687366 (In Eng.)

Lei Jin. Poe's landscape: dreams, nightmares, and enclosed gardens. *Forum for World Literature Studies*, 2013, vol. 5, issue 1, pp. 36–51. (In Eng.)

Oxford Advanced Learner's Dictionary. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 17 May 2025). (In Eng.)

Poe E. A. Dream-Land. In *Edgar Allan Poe. Ultimate Collection*. Czechia, Good Press, 2023. Available at: <https://books.google.de/books?id=T9PmEAAQBAJ> (accessed 17 May 2025). (In Eng.)

Ronnick M. V. Seneca's Medea and Ultima Thule in Poe's Dream-Land. *Poe Studies*, 1995, issue 28, pp. 40–42. doi 10.1111/J.1754-6095.1995.TB00074.X (In Eng.)

Информация об авторе

Кузьмина Александра Викторовна

старший преподаватель кафедры романской филологии и зарубежной литературы
Донецкий государственный университет
283001, Россия, ДНР, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24

a.shersh@bk.ru

SPIN-код: 2460-6396

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4297-333X>

ResearcherID: OHU-7615-2025

Статья поступила в редакцию 03.12.2025; одобрена после рецензирования 14.01.2026; принята к публикации 19.03.2026

Information about the author

Aleksandra V. Kuzmina

Senior Lecturer in the Department of Romance Philology and Foreign Literature
Donetsk State University
24, Universitetskaya st., Donetsk, Donetsk People's Republic, 283001, Russia

a.shersh@bk.ru

SPIN-код: 2460-6396

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4297-333X>

ResearcherID: OHU-7615-2025

Submitted 03 Dec 2025; revised 14 Jan 2026; accepted 19 Mar 2026